

К. В. Анисимов

ПОДВИГ ЕРМАКА НА СТРАНИЦАХ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА: ПОЭТИКА, КОНТЕКСТ*

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-6-15

УДК 82-94 ББК 83.3(2)

В статье анализируется повествовательная организация «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина с преимущественной фокусировкой на 9-м томе, то есть той части произведения, в которую включен рассказ о завоевании Сибири Ермаком. В центре внимания — вклад Карамзина в создание образа казачьего вождя как ключевого героя русского колониционного нарратива, личности, ставшей неотъемлемой частью национальной исторической и культурной памяти. В работе показано, что концептуальная картина похода в Сибирь создается на пересечении нескольких лейтмотивных линий и принципиальных для автора и его эпохи идеологем. В ходе анализа выяснилось, что Ермак соотнесен со следующими важнейшими смысловыми полями: деспотической власти Ивана Грозного; Новгорода (и как вечевой республики, символа свободы, и как торгового государства, проложившего путь за Урал); казачества, «новой воинственной республики», само именование которой в 8-м томе увязывало вольных людей позднего русского Средневековья с новгородцами; уральских купцов Строгановых и проблемы олигархии. В рассказе о Ермаке эти глубоко укорененные в национальном историческом процессе темы автором искусно переплетены. Восходя при этом к предшествующим томам «Истории», они образуют контекст сюжета о покорении Сибири, без которого образ Ермака окажется в смысловом отношении непрозрачным, не будет полноценно прочитан и понят.

Ключевые слова: *Н. М. Карамзин, «История государства Российского», Ермак, повествовательность исторического текста*

Проблема повествовательной связности исторического, то есть нефикционального, текста хорошо известна в науке и неоднократно становилась предметом как обобщающих, так и специализированных исследований. Давно установлено, что «события преобразуются в историю при помощи выдвигания некоторых из них на передний план, замалчивания или подчинения других, а также за счет характеристик, мотивных повторов, изменений тональности голоса, точки зрения автора, введения альтернативной стратегии описания и т. д. — словом, приемов, обычных при разработке сюжетов (“*emplotment*”) романа или пьесы».¹ Выдвинутый Х. Уайтом в 1970-е гг. и с тех пор неод-

нократно повторенный тезис стал исходной точкой для изучения разнообразных приемов, оформляющих запись о событии, но при этом заимствованных из пограничной с историографией области литературного сочинительства.

Подобная рецептура, в высшей степени свойственная Н. М. Карамзину — создателю «Истории государства Российского» (главного властно-идеологического труда первой половины XIX в.), с особенной убедительностью была использована при работе с образом покорителя Сибири Ермака. Словно иллюстрируя мысль Ю. М. Лотмана, точно определившего манеру писателя, которым «история мыслилась как синтез психологического и сюжетного повествования»,² уникальность казачьего вождя проявляется уже на уровне композиции: на всем протяжении предшествующих 8 томов, написанных к 1820 г. (началу работы над 9-м томом), читатель ни разу не встречал главы, посвященной лицу, не наделенному верховной властью.

И вот на этом фоне в составе 9-го тома появляется 6-я глава, названная «Первое завоевание Сибири». Формула сама по себе нетипичная — мало ли было «завоеваний» до 1581 г.,

¹ White H. *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore, 1978. P. 84.

Анисимов Кирилл Владиславович — д.филол.н., заведующий кафедрой журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
E-mail: kianismov2009@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-00275 «Ермак в русской словесной культуре: конструирование образа, коммеморативные практики» (рук. К. В. Анисимов)

² Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Карамзин. СПб., 1997. С. 395.

с которого Карамзин начинает освещение деяний Ермака. Однако ни одно из них не удостоилось отдельной главы — многочисленные кампании были как бы «утоплены» в царствованиях Иоаннов III и IV. Извлечение победоносного похода в Сибирь из линии царствования Иоанна IV, прерванной лишь смертью правителя (а фрагмент о Ермаке с обеих сторон окружен одинаково озаглавленными разделами «Продолжение царствования Иоанна Грозного» — гл. 5 и 7), означает принципиальное смещение фокуса, в котором Карамзин рассматривал историческую субъектность. Образ царя-тирана, единственного вершителя *res gestae*, получает уникальную альтернативу.

Проницательные догадки об особом положении Ермака на страницах главного произведения писателя уже звучали. Н. Я. Эйдельман, упомянув об общеизвестном «тираноборческом» характере 9-го тома «Истории»,³ целиком посвященного деспотизму Ивана Грозного и начатого словами «Приступаем к описанию ужасной перемены в душе царя и в судьбе царства»,⁴ отметил: «Последние главы девятого тома, вольница Ермака, как бы выходят за пределы жутких казней и опричного мрака: *оставляют надежду* [курсив автора — К. А.]. Ермак почему-то особенно раздражил Карамзина-художника»; «...Ермак — случай особый: российский человек на воле, без царей, воевод, приказных».⁵

Однако дальше этих точных, но кратких наблюдений дело в нашей науке не пошло: причины композиционной, а значит и концептуально-смысловой отмеченности образа Ермака до сих пор не прояснены, многообразно соединяющиеся в описании казачьего вождя лейтмотивные нити, «протянутые» сквозь весь нарратив «Истории», не выявлены.

* * *

Названные нами выше исследователи, противопоставлявшие Ермака Ивану Грозному, поступали верно, хоть и в немалой степени интуитивно. Действительно, коллизия неограниченного правителя и действующего на свой страх и риск «бродяги» открывает интересую-

щую нас 6-ю главу, где звучит буквально в первом предложении:

«В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумертвых ляхов и немцев, — в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти, благородною любовью ко славе, приобрела новое царство для России...» (370).

Вместе с тем резко персонифицировать конфликт, видя в нем только столкновение всевластного деспота с изгнанником, который бежит от царя, одновременно побеждая врагов Отечества, было бы не только упрощением, но еще и «переводом» научной аналитики на художественный язык фольклора, где утвердилась примерно такая версия сюжета о Ермаке.

Более предпочтительным представляется иной подход. В первую очередь мы рассмотрим целый ряд разрабатываемых Карамзиным словесно-понятийных и идеологических конструктов, связанных с объяснением русских походов за пределы исторического ареала средневековой Руси, с историей Новгорода, который и начал экспансию на северо-восток, обогатив русских людей первыми знаниями о севере Урала, с «республиканским» характером новгородской государственной системы, с зарождением на противоположном конце русских земель казачьей вольницы, в первом упоминании о которой Карамзин назвал ее «нов[ой] воинствен[ой] Республик[ой]»,⁶ с ролью «олигархии» (частое слово в карамзинском политическом лексиконе), к которой в известной мере можно отнести семейство Строгановых, выступившее, как подсказал историографу использованный им ключевой первоисточник, спонсором Ермака и его отряда. Все эти, а также некоторые иные исторические тенденции и политические концепты, повторяясь и превращаясь тем самым в лейтмотивы, определили в итоге историко-идеологическую интерпретацию завоевания Сибири, помогли создать убедительный литературно-психологический портрет казачьего вождя.

Отметим вначале крайне существенные примеры «соприкосновений» образов Ермака и Грозного в точках отдельных лексем. Е. Г. Позднякова уже указала на то, что эпитет «грозный» присоединяется автором к обоим

³ Специально об этом см.: Там же. С. 408–416; Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 59–64; Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 98 и сл.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 5. Далее ссылки на этот том приводятся в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

⁵ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 126.

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 8. С. 137, 138.

главным для него героям:⁷ Ермак как бы попал в смысловое поле, созданное вокруг царя.

«...Грозный, неумолимый Ермак, жалел воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое *дело студное* [курсив автора — К. А.]: ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и Царю земному и Царю Небесному...» (390–391).

Истинное назначение царской «грозы», связанной «с идеей божественного порядка и божественной справедливости»,⁸ показано здесь на примере того, о ком в Есиповской летописи, официальном памятнике тобольского летописания, сказано, что его «избра Бог не от славных муж»,⁹ то есть о выходе с социальной периферии, а у Карамзина прямо говорится как об атамане «шайки» разбойников.

Атаманство Ермака — следующий лексический «перекресток», соединяющий его с образом царя. В 4-й главе 9-го тома, где речь шла об уничтожении в 1572 г. опричнины и о возвращении монарха, как тогда ненадолго показалось, к идеалу христианского правителя, Карамзин дал следующее определение очередного переворота в политике Иоанна:

«Опальная Земщина назвалась опять Россиею. Кромешники разоблачились, стали в ряды обыкновенных царедворцев, государственных чиновников, воинов, имея уже не Атамана, но Царя, единого для всех Россиян, которые могли надеяться, что время убийств и грабежа миновало...» (207).

В духе просветительских воззрений на политику хаос опричного семилетия увязан автором с уклонением русского самодержца от «царства» к «атаманству», временным переходом его от законного единодержавия, дальнего предвестника будущей рациональной государственности XVIII в., к преступному, а главное — хаотически-бессмысленному произволу, противоположному широко известной формуле, высказанной еще в повести «Марфа-посадница» (1802): «...нет порядка без власти самодержавной».¹⁰

⁷ См.: Позднякова Е. Г. Художественное осмысление образа Ермака в исторических песнях и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Дергачевские чтения — 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 320.

⁸ Успенский Б. А., Панченко А. М. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 70.

⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 50.

¹⁰ Карамзин Н. М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 683.

Стойкой ассоциацией к слову «атаман» является у Карамзина реальность внегосударственного пограничья, разбойничества и казачества, а также «набеговая экономика» политических субъектов, остатков Золотой Орды. Необычайно усилившееся во времена Грозного Крымское ханство, едва не нанесшее России в 1572 г. тяжелое поражение, но в итоге разгромленное в битве при Молодях, вписано Карамзиным именно в круг «разбойничьих» ассоциаций, а глава этого военно-политического образования хан Магмет-Гирей, добывавшийся от Москвы дани и грозивший новыми набегам, назван «Атаман[ом] разбойников» (281). Порождаемая этим словоупотреблением цепь переключек здесь циклически замыкалась: если «атаманство» крымского хана было следствием внецивилизационного характера его власти (тиранической по отношению к соседям, ведь «новый Хан должен ознаменовать свое воцарение пожарами и кровопролитием в землях соседственных!» (279), но при этом вассальной и несuverенной относительно османской Турции) и не производительного, но «набегового» характера экономики, — то впадение русского царя в аналогичное «атаманство» было результатом преимущественно его собственной человеческой деградации, равно как и возвышение Ермака от исходного пункта «разбойничества» к величию «грозной», но милостивой власти определялось достоинствами натуры казачьего предводителя.

Одно из важнейших описаний его политики на только что покоренных землях целиком строится на этой антитезе:

«Сей бывший Атаман разбойников, оказав себя Героем неустрашимым, Вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности, вселив в людей грубых, диких, доверенность к новой власти и, строгостию усмиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей в земле, завоеванной ими, *на краю света* [курсив автора — К. А.], не смели тронуть ни волоса у мирных жителей» (390).

Если в начальных словах цитированного пассажа Ермак еще отождествляется с крымским ханом (оба — «атаманы разбойников»), что показывает стартовую точку дальнейшего развития образа, то в финале звучат уже известные нам слова о «грозном, неумолимом Ермаке», а мотив «края света» еще более усиливает противопоставление: учреждение

цивилизации в неведомых землях, победа порядка над местным произволом контрастно оттеняются опрокидыванием в хаос и непредсказуемость центра страны.

* * *

Упомянутый в одной из приведенных цитат Новгород, подвергнутый Иваном Грозным зимой 1569–1570 гг. погрому и разграблению, задает на протяжении всех томов «Истории» особую проективную линию, затрагивающую в том числе и Ермака. В донском казачестве, выходцем из которого был Ермак Тимофеевич,¹¹ Карамзину виделась, как мы помним, «новая воинственная Республика». Будучи последовательным приверженцем идеи конечного торжества самодержавной власти, создатель «Истории» говорит о «республиканских» перифериях России, ее новгородском севере и казачьем юге, как о своеобразных, пусть преданных России (например, казаки стали «важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России, между Азовским и Каспийским морем»¹²), но вместе с тем неизбежно обреченных политических образованиях.

Роль Новгорода в освоении Сибири до Ермака общеизвестна.¹³ До создателя «Истории» на эту тему писали Г. Ф. Миллер,¹⁴ а также заимствовавший основные положения из его книги А. Н. Радищев. Свое «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» последний открыл яркой картиной инициированного вольным городом проникновения на восток. «Укрепляясь в вольности, расширяя свою торговлю, Новгород распространил свое владычество на все северные страны России, куда власть Татарская не досязала. Пятина Обонежская заключала в себе земли, в окрестности Северных Двины лежащие и смежна была великой Пермии или земле Зырянской».¹⁵ В труде Карамзина тема новгородской экспансии начинает звучать в 9-й главе 4-го тома в связи с деятельностью Ивана Калиты.¹⁶ В следующем

томе мотив повторяется: укрепляющий центральную московскую власть князь Дмитрий Иванович (будущий Дмитрий Донской) наталкивается в 1364 г. на разбой новгородцев, промышлявших «по реке Оби до самого моря», сражаясь «не только с иноплеменными Сибирскими народами, но и с своими Двинянами». Целью одного из походов было также ограбление городов на Волге и Каме. «Узнав о том, Великий Князь объявил гнев Новгородцам...»¹⁷

В отличие от территории волго-донского казачества пространство, подвластное Новгороду, имело свой центр, подчинив который, Москва не только упразднила независимость вечевого республиканского (конфликт, рассмотренный Карамзиным в его знаменитой повести), но, что в художественной литературе отмечалось нечасто, получала контроль над обширными владениями Новгорода, простиравшимися далеко на северо-восток вплоть до полярного Урала. Исключительно точно Карамзин подмечает этот геостратегический (а не только спекулятивно-политический, ставший нервом «свободолюбивой» «новгородской темы» русской литературы конца XVIII — начала XIX в.)¹⁸ аспект противостояния Москвы крупнейшему центру северо-западного пограничья. Опыт Новгорода, который «сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири»,¹⁹ делается прологом к утверждению трансконтинентальной державы, ибо, «взяв его владения, Государь Московский поставил одну грань своего Царства на берегу Наровы, в угрозу Немцам и Шведам, а другую за Каменным Поясом или хребтом Уральским, где баснословная Древность воображала источники богатства...»²⁰

Так наделенные важным концептуальным смыслом повествовательные нити многотомного произведения сплетаются автором воедино. Подобно викингам, высадившимся на берегу Северной Америки еще до Колумба, новгородцы до Ермака проложили дорогу за Урал — сделавшись в историческом отношении предшественниками победителя Кучума, а с точки зрения компоновки огромного текста, придания ему нарративной целостности и связности — двойниками Ермака. Другая грань этого взаимного тяготения — трагическая

¹¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 178 и сл. Дискуссию об истинном происхождении Ермака мы здесь опускаем, стремясь оперировать теми данными, которым отдавал предпочтение сам Карамзин — см.: с. 379, 380 в 9-м т.

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 8. С. 137.

¹³ См.: Оксенов А. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири) // Литературный сборник. СПб., 1885. С. 425–445.

¹⁴ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. С. 201.

¹⁵ Радищев А. Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок) // Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 145.

¹⁶ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 1992. Т. 4. С. 132.

¹⁷ Там же. М., 1993. Т. 5. С. 12.

¹⁸ См.: Руквичникова В. В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII — первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2001.

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 1998. Т. 6. С. 82.

²⁰ Там же. С. 85.

жертвенность Новгорода, сначала обреченно вступившего в тщетное противоборство с Москвой Ивана III, а спустя столетие безвинно разоренного Иваном IV. То, что в этом пункте авторский образ у Карамзина раздвоен, очевидно. Утверждая необходимость национального единства, повествователь одновременно скорбит об утрате самого яркого очага местной оригинальности. «В 1487 году перевели из Новагорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. <...> Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавию».²¹

Ситуация напоминает фактографический и психологический подтекст судьбы Ермака — виновного перед царем своими разбоями, как виноваты были новгородские «ушкуйники», навлекавшие на себя гнев московских князей еще в XIV в., но вместе с тем такого же строителя будущей евразийской империи, какowymi ретроспективно «назначены» и новгородцы, разведавшие земли за Уралом. Этот «сибирский» мотив как бы «прикрепляет» образ Ермака к Новгороду, заставляет читателя соотносить исторические сюжеты западной и восточной границ Руси друг с другом. А потому, если на конкретно-событийном уровне Новгород XVI в., переживший опричный погром, предстает бессловесной жертвой, не способной предложить никакой альтернативы Грозному (контрастируя в этом отношении с торговой республикой XV в., бросавшей вызов военной централизованной монархии), то ярко индивидуализированный образ казаков Ермака на хотя бы нравственную альтернативность вполне претендует.

* * *

Другим компонентом «Ермакова сюжета», опять-таки роднящим последний с историей Новгорода, оказывается коллективный портрет купцов Строгановых, «наших Медицисов», то есть Медичи, как рекомендует их Карамзин в одном из примечаний к основному тексту (с. 243 второй пагинации, примеч. 651). Предшественники и современники историографа хорошо знали о новгородском происхождении фамилии, но писали об этом по-разному. Г. Ф. Миллер, обратившись, как позднее и Карамзин, к книге Н. Витсена, лишь бегло упомянул о новгородских корнях семейства, заметив: «...Федор Строганов в конце XV века, после

взятия Новгорода великим князем Иваном Васильевичем, покинул этот город... С этого времени нет уже больше упоминаний о семье Строгановых в Новгороде, но зато они встречаются в Устюге и у Соли Вычегодской...»²² А. Н. Радищев же в присущем ему тенденциозном ключе увязывает отъезд купеческой династии из привычных мест с концом независимости Новгорода, с поиском предпринимательского счастья на еще «свободных» землях. «С вольностью Новагорода рушилась его обширная торговля, и многие из богатых его жителей... удалились в те страны, где прежде имели свои торговые обращения; между таковыми был отец или дед Аники Строганова. От Новагорода переселились они к Соли Вычегодской...»²³

В обрамляющем историю Ермака сюжете о Строгановых Карамзин попал в непростую идеологическую развилку. На отдаленных землях, там, где регулярная московская администрация утвердиться еще не могла, влиятельное семейство основало надежный рубеж обороны. С царского разрешения Строгановы, «подобно Князькам Владетельным», «берегли Северо-Восток России» (377). С другой стороны, московская власть XV–XVI вв. с «князьками владетельными» неустанно боролась, а когда временно сдавала позиции и мирилась с «параллельной», то есть так или иначе незаконной, властью при юном и/или слабом правителе, тогда неизбежно из монархии становилась олигархией. Например, именно ее сетями, по мысли историографа, был опутан малолетний Иван IV в 1530-е гг. «...Россия видела себя под жезлом возникающей Олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Лучше укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей».²⁴ От придворной аристократии, способной при определенных обстоятельствах превращаться в олигархию, Строгановых отличали два обстоятельства — «низкое» происхождение и территориальная отдаленность от центра. Но главное правило — почти ничем не стесненное управление «от имени» — сохранялось.

Занятая Карамзиным нравственная и политическая позиция заставляла его беском-

²² Миллер Г. Ф. История Сибири. С. 201. Примеч. 10. Ср.: Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 920.

²³ Радищев А. Н. Указ. соч. С. 148.

²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 8. С. 10.

²¹ Там же. С. 86.

промиссно порицать олигархию. Одной из ее питательных сред было купечество, которое в определенных условиях могло вершить власть не хуже (как казалось, разумеется, самому купечеству) князя или монарха. Где, по Карамзину, сложились условия для такого типа правления? В Новгороде, а также в вотчинах «наших Медичи» Строгановых, многими нитями связанных со своим новгородским прошлым. Именно во всевластии денег, подчинивших себе бояр и воинство, а вече превративших в манипулируемую массу, видит Карамзин истинную причину гибели новгородской свободы:²⁵

«Падение Держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новгороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклись только о собственных выгодах; торговали властью, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на Вече жалобы утесняемых».²⁶

Уже после описания сибирской кампании Ермака Карамзин, сославшись на Джильса Флетчера, скажет о Строгановых как о самых состоятельных русских предпринимателях, причем находившихся (именно в силу своих экономических возможностей) под постоянным подозрением со стороны власти.²⁷

При этом с середины XVI в. все действия «именитых людей» совершались исключительно «по милости» Ивана Грозного. «Желая взять деятельные меры для обуздания Сибири, Иоанн призвал... двух братьев, Якова и Григория [Строгановых — К. А.], как людей умных и знающих все обстоятельства северо-восточного края России; беседовал с ними, одобрил их мысли и дал им жалованные грамоты на пустые места, лежащие вниз по Каме...» (376); «довольные царской милостию, деятельные и

богатые Строгановы основали в 1558 году близ устья Чусовой городок Канкор...» (377) и т. д.

Крайне важно: Строгановы не запятнали себя намерениями предать Русское государство, то есть совершить деяние, вмененное Карамзиным в вину новгородским олигархам. Создатель «Марфы-посадницы» деликатно обошел в своей повести неблагоприятные проступки элиты, но в «Истории» он сказал о них без обиняков:

«...Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славил Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. <...> ...Марфа предприняла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники ...сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не Государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам по себе Властелин; что жители его суть вольные люди, а не *отчина* [курсив автора — К. А.] Князей Московских...»²⁸

Итак, Строгановых, новгородцев по происхождению и богатейших людей России, Карамзин делает совсем не похожими на новгородскую верхушку XV столетия — ни в отношении использования капитала, ни с точки зрения контактов с иностранными властителями. Своим рачительным хозяйствованием и мудрой властью купеческий клан напоминает читателю то ли новгородцев до начала неуклонного падения их республики («Сей народ считался некогда самым воинственным в России...»), то ли самого Ивана III с его «умным правосудием».²⁹ А вот противостоящий Строгановым Иван Грозный, напротив, смещается в прямо противоположную сторону — к постыдному компромиссу с иноземной силой, неизбежному результату своих ослабивших Москву кровавых «атаманских» причуд.

* * *

Вспомним эпизод, который мы цитировали в самом начале: «В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения..., — в то самое время малочисленная шайка бродяг... приобрела новое царство для России». Поражение в Ливонской войне, по Карамзину, как бы уравнивается победами в Сибири, а виновником неудач на западе объявляется царь-сумасброд, плоды «трудов» которого, по логике повествования,

²⁵ Ю. М. Лотман показал, что воззрения писателя, в русле которых «представительное правление» объявлялось «фикцией», а «парламентская республика — олигархией, при которой тирания «единого» заменяется еще более гибельной тиранией многих», сложились задолго до «Истории» и были обусловлены глубоким социальным скепсисом Карамзина, считавшего, что целью человека является «только личное благо, фатально противоположное интересам других людей». См.: Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Карамзин. С. 334, 335.

²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 6. С. 63.

²⁷ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. С. 245, 246. Ср.: Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 55.

²⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 6. С. 19.

²⁹ Там же. С. 66.

мало отличимы от потенциального новгородского предательства конца XV в. Концептуальные полюса меняются местами: в то время как центральная власть делается неотличимой от изменников («не изменились Россияне, но Царь изменил им!» (316)), с периферией начинает увязываться истинный общенациональный интерес, противоположный «новгородской» идее бегства от Москвы.

9-й том изобилует сценами Иоаннова малодушия и заискивания перед внешним врагом при первых же неудачах. Приведем единственный пример — освещение царской «дипломатии» после наступления крымцев в 1571 г.:

«Как же поступил Иоанн, столь надменный против Христианских, знаменитых Венценосцев Европы? *Бил челом Хану* [курсив автора — К. А.]: обещал уступить ему Астрахань при торжественном заключении мира; а до того времени молил его не тревожить России...» (185).

Такое настойчивое противопоставление Карамзиным двух крупнейших фигур 1580-х гг., всемогущего деспота и действующего независимо от него преследуемого героя, не могло не резонировать с характерной для культуры конца XVIII — начала XIX в. темой тираноборства. То, что уральские купцы и Ермак позволили себе невероятную в исторических условиях XVI столетия автономность поступка, очевидно: в грамоте Строгановым Иван IV прямо говорит, что те «воров наняли... без нашего указа»,³⁰ квалифицирует деяние братьев как измену, грозит им опалой, а казакам — казнью. Между тем на страницах 9-го тома задолго до начала рассказа о Ермаке создан образ-прецедент, относящийся к теме тираноборства. Речь идет о фигуре князя А. М. Курбского.

Роль Курбского в идеологической структуре этого раздела карамзинского сочинения аналогична роли новгородской «торговой республики»: если вторая, как мы старались показать, выступала своего рода обратной проекцией Строгановых, то первый оттенял личность Ермака. В повествовательных парах Новгород — Строгановы и Курбский — Ермак обе начальные позиции объявлялись исторически тупиковыми, в то время как вторые — открывали перспективу для национальной жизни. Критерием выступало взаимодействие с верховной властью и внешним врагом.

Как и Ермак, Курбский гоним царем. Как и Ермак, он доблестен и отважен, но в отличие от Ермака князь не просто бежит за географическую границу государства — он предает своих и вступает в союз с неприятелем. Анализ личности Курбского Карамзин посвящает специальные пассажи. «Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя* [курсив автора — К. А.]; но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!» (58–59). «Юный, бодрый воевода... возложил на себя печать стыда и долг Историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников» (59). Слова о бегстве звучат оправдательно — резюме об измене является строгим авторским приговором.

Любопытно, что А. Н. Радищев, сообщивший миссии Ермака эту «протестную», тираноборческую интонацию, описал его предприятие скорее в перспективе Курбского, словно «в терминах» его п(р)оступка.

«Ермак, вступая в Сибирь, не имел нужды стараться о сообщении с Россиею. Отторгнутый от своего отечества без возвратных надежды, ища лучших страны, которая бы его вместо отечества восприяла; избегая мщениа Иоаннова, не надеясь на подкрепление ни откуда, разве своего мужества, он устремлялся токмо на завоевание...»³¹

Позиция историографа в 1820-е гг. была, однако, диаметрально противоположна радищевской. У Карамзина нет и речи об обретении «лучших страны» «вместо отечества». Используя данные С. У. Ремезова, автор подчеркивает приверженность Ермака общенациональным целям и религиозному этосу: «требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и Царю земному и Царю Небесному...» (390–391). Указывая далее на Строгановскую и Есиповскую летописи (примеч. 700), Карамзин отмечает, что после решительных побед Ермак «написал к Иоанну, что его бедные, опальные Козаки, угрызаемые совестью, исполненные раскаяния, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу к России, во имя Христа и Великого Государя, *на веки веков, доколе Всевышний благоволит стоять миру* [курсив автора — К. А.]; что они ждут указа и Воевод его: сдадут им Царство Сибирское, и без всяких условий, готовые умереть или

³⁰ Строгановская летопись по списку Спасского // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 14.

³¹ Радищев А. Н. Указ. соч. С. 160.

в новых подвигах чести или на плахе, как будет угодно ему и Богу» (396).

Явно разойдясь здесь с А. Н. Радищевым в том, что казаки «не надеялись на подкрепление ни откуда» (ср.: «ждут указа и Воевод его»), то есть заведомо не согласившись с популярной позднее версией о трагическом одиночестве Ермака, автор в приведенном фрагменте последовательно и точно подчеркнул ставшую в наши дни известной благодаря Ю. М. Лотману социокультурную стратегию «вручения себя», христианскую в своей основе и противоположную рациональной (а по своим корням — магической) установке героя на «договор» (ср. «без всяких условий»). Ю. М. Лотман указал, что в русле поведения, основанного на «вручении», подразумевались, с одной стороны, «безусловная и полная отдача себя, а с другой — милость».³²

Недаром сразу после обращения казаков к царю и краткого упоминания о снаряженном в Москву посольстве Ивана Кольца Карамзин задается вопросом, «не думал ли Ермак, обольщенный легким завоеванием Сибири..., властвовать там независимо?» (397). Ответ, разумеется, был отрицательным. А воспроизводимое далее известие Нового летописца (401) о том, что «к Ермаку повеле государь³³ написать не отоманом, но князем Сибирским»,³⁴ играет, по сути, ту же роль, что и известное нам именование Строгановых «князьками владетельными»: восходящая к теме Новгорода идея самостоятельности намечается, к ней даже подыскивается пробное определение, но внутри его на поверку оказывается совершенно иной смысл.

Итак, Карамзин дистанцировал своего Ермака от популярных в конце XVIII — начале XIX в. «антидеспотических» воззрений и проектов, направленных против верховной власти. Тем не менее энергию свободолюбия в образе покорителя Сибири способен прочувствовать любой непредвзятый читатель. За счет чего был достигнут этот эффект?

Дело в том, что мотивную линию противодействия тирании Карамзин прочертил иначе, чем это сделал бы А. Н. Радищев: главной сю-

жетной ролью идеологического визави казачьего вождя был наделен не Иван Грозный, а Кучум. Решающим обстоятельством, предопределившим тиранию сибирского хана, была узурпация им власти в Зауралье. И если вернуться к уже известным нам характеристикам правителя Крыма, соединявшего в себе деспотию с варварством, поход казаков против его двойника Кучума предстанет в просветительском ключе — и водворением цивилизации в мире дикарства, и тираноборческим актом со стороны Ермака.

С тем, что Кучум явился на сибирский престол незаконно, захватив его силой, в современной Карамзину историографии не спорил никто. А. Н. Радищев, для которого все самовластцы были на одно лицо, говорил об этом так:

«...Хан Кучум был не истинный владетель Сибири, но пришлец и завоеватель, а потому опричь пришедших с ним, подвластные ему повиновались из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях; следовательно, поработанным народам, а паче Сибирским, которые платят дань или ясак, все равно было платить оный Ермаку, Царю Российскому или Хану Кучуму».³⁵

Рассказ Карамзина, конечно, детальнее. В нем, наряду с незаконностью, подчеркивается репрессивный прозелитизм Кучума, который «опасался ее [Сибири — К. А.] жителей, насильно обращаемых им в Магометанскую Веру» (377–378), его личная инициатива в развязывании конфликта с Москвой, в ходе которого последовали нападения на вотчины Строгановых.

Особенно существенна характеристика Кучума как слепца. «Кучум, лишенный зрения, имел душу твердую: решился стать мужественно за Царство и Веру...» (386). Как можно опрометчиво предположить, деталь, упомянутая в ряду таких обстоятельств, служит исключительно прояснению натуры исторического персонажа, по правилу сентиментализма «оживляет» его образ и этим демонстрирует предел своих возможностей. На самом деле контекст гораздо шире.

Еще в «Записке о древней и новой России» Карамзин определял «тиранство» как «необыкновенное ослепление ума в государе».³⁶ Понимаемая аллегорически, в духе этого адресованного лично Александру I политического трактата, незрячесть Кучума повторяется на страницах 9-го тома снова и снова. Так, слепота

³² Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 349.

³³ В Новом летописце — уже Федор Иоаннович, хотя у Карамзина все еще Иван Грозный.

³⁴ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14, ч. 1. С. 33.

³⁵ Радищев А. Н. Указ. соч. С. 151.

³⁶ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 46.

может означать заблуждение веры. В эпизоде битвы у городка Атик-Мурзы читаем:

«Ермак, Иван Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицание: *с нами Бог!* [курсив автора — К. А.] а слепой Кучум, стоя на горе, с Имамами, с Муллами своими кликал Магомета для спасения Правоверных» (389).

Безрадостный конец Кучумова правления изображается Карамзиным в 11-м томе «Истории» как апофеоз обреченности и прямо-таки Эдиповой исторической слепоты. Уже после гибели Ермака, растратив все свое воинство в битве с отрядом воеводы Воейкова, «слепой старец, неодолимый бедствиями, сидел под деревом, окруженный тремя сыновьями и тридцатью верными слугами», так отвечая на предложение царя Федора и Бориса Годунова о сдаче: «Я слеп и глух, беден и сир. Жалею не о богатстве, но только о милом сыне Асманаке, взятом Россиянами...» После чего «в третий день сел на коня — и скрылся для Истории».³⁷

Популярный в просвещенческой литературе мотив тщетной приверженности героя-слепца исчезающей старине, а здесь, по Карамзину, напрасного препятствования силам молодой империи, которая утверждала свое «господство над полуночною Азиею»,³⁸ зна-

менует трагическое последствие давно совершенной исторической ошибки, итог всякого заблуждения, слепоты правителя-тирана. «Трагическая ошибка всегда невольная. Она коренится в человеческой слепоте. Она, в основе, есть заблуждение... Комизм в обмане, в фальсификации. Трагизм в слепоте», — проныцательно отмечала О. М. Фрейденберг.³⁹

И здесь в образе Кучума вдруг обнаруживаются штрихи, хорошо известные нам по созданному Карамзиным портрету Ивана Грозного — такого же исторического слепца, как и сибирский хан. В одну из решающих характеристик монарха автор включает известный нам мотив, оказывающийся одним из ключевых: «...Тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвит силы и в Государе и в Государстве!» (315–316).

С помощью словесных маневров такого рода Карамзин выходил далеко за рамки исторического сочинения, намечая для своего труда горизонт значительно более широкий, нежели любое, даже самого высокого уровня, академическое знание. Впрочем, современная детализация (в том числе в намеченной здесь перспективе) громадного литературного влияния карамзинской «Истории» — предмет для специальных исследований.

Kirill V. Anisimov

Doctor of Philological Science, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk)

E-mail: kianismov2009@yandex.ru

ERMAK'S EXPLOIT ON THE PAGES OF N. M. KARAMZIN'S "HISTORY OF THE RUSSIAN STATE": POETICS, CONTEXT

The article analyses the narrative structure of N. M. Karamzin's "History of the Russian State" with the primary attention paid to the 9th volume, i. e. a part of the oeuvre which comprises the story of Ermak's victorious campaign in Siberia. The focus is directed onto Karamzin's contribution to the imagining of Ermak as a key-figure in the narrative of Russian colonization, historical agent who became an integral constituent part of national historical and cultural memory. The paper demonstrates that the conceptual plot of Ermak's Siberian campaign was formed by a number of leitmotif lines and ideological notions bearing a particular importance for the author and his epoch. It was revealed in the course of the analysis that Ermak is related to the following semantic fields endowed with distinctive meaning in the context of time: Ivan the Terrible despotic authority; Novgorod (either as a "veche"-republic, a symbol of freedom, or as a commercial principality that paved the way beyond Urals); Cossacks, "new belligerent republic", which very name linked free people of Russian late Middle Ages with Novgorodians; the Stroganov family of Ural merchants and a problem of oligarchy posed in relation with them. In Karamzin's story on Ermak all these themes, deeply rooted in the national history, were skilfully intertwined. Dating back to the previous volumes of the "History" these leitmotifs formed a contextual milieu for the story of the conquest, and should this story be extracted out of this surrounding it would become opaque in semantic perspective and remain unread fully and comprehended improperly.

³⁷ Он же. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 11. С. 24, 25.

³⁸ Там же. С. 26.

³⁹ Фрейденберг О. М. Происхождение литературной интриги // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1973. Вып. 308, т. 6. С. 511, 512.

Keywords: *N. M. Karamzin*, “*History of the Russian State*”, *Ermak*, *historical text as a narrative*

REFERENCES

- Eidelman N. Ya. *Posledniy letopisets* [The Last Chronicler]. Moscow: Kniga Publ., 1983. (in Russ.).
- Freidenberg O. M. [The Origin of Literary Intrigue]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Tartu State University]. Tartu: TGU Publ., 1973, iss. 308, vol. 6, pp. 497–512. (in Russ.).
- Kozlov V. P. “*Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*” *N. M. Karamzina v otsenkakh sovremennikov* [“History of the Russian State” by N. M. Karamzin in the Assessments of Contemporaries]. Moscow: Nauka Publ., 1989. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [The “Contract” and “Self-Surrender” as Archetypal Models of Culture]. *Lotman Yu. M. Izbrannyye stat'i: v 3 t.* [Lotman Yu. M. Selected Articles: in 3 vols.]. Tallinn: “Aleksandra” Publ., 1993, vol. 3, pp. 345–355. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [The Evolution of Karamzin’s Worldview (1789–1803)]. *Lotman Yu. M. Karamzin* [Lotman Yu. M. Karamzin]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 1997, pp. 312–348. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [Paths of Development of Russian Prose in the 1800–1810s]. *Lotman Yu. M. Karamzin* [Lotman Yu. M. Karamzin]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 1997, pp. 349–417. (in Russ.).
- Pozdnyakova E. G. [Artistic Interpretation of the Image of Ermak in Historical Songs and “History of the Russian State” by N. M. Karamzin]. *Dergachevskiy chteniye – 2000: Russkaya literatura: natsional'noye razvitiye i regional'nyye osobennosti* [Dergachev readings – 2000: Russian Literature: National Development and Regional Characteristics]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2001, part 1, pp. 318–324. (in Russ.).
- Rukavichnikova V. V. *Istoriya drevnego Novgoroda v russkoy literature XVIII – pervoy trety XIX veka: kand. diss.* [History of Ancient Novgorod in Russian Literature of the 18th – First Third of the 19th Century: Diss. Cand.]. Veliky Novgorod, 2001. (in Russ.).
- Skrynnikov R. G. *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Siberian Expedition of Ermak]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. (in Russ.).
- Uspensky B. A., Panchenko A. M. [Ivan the Terrible and Peter the Great: Concepts of the First Monarch]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1983, vol. 37, pp. 54–78. (in Russ.).
- Vatsuro V. E., Gillelson M. I. *Skvoz' "umstvennyye plotiny"*. *Ocherki o knigakh i presse pushkinskoy pory* [Through “Mental Dams.” Essays on Books and the Press of Pushkin’s Time]. Moscow: Kniga Publ., 1986. (in Russ.).
- White H. *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1978. (in English).

Для цитирования: Анисимов К. В. Подвиг Ермака на страницах «Истории государства российского» Н. М. Карамзина: поэтика, контекст // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-6-15.

For citation: Anisimov K. V. Ermak’s Exploit on the Pages of N. M. Karamzin’s “History of the Russian State”: Poetics, Context // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-6-15.